

Прежде всего, не надо думать, что предполагавшийся суд был бы простой расправой над уже поверженным противником. Не случайно император при аресте патриарха боится возмущения горожан, не случайно он старается не довести дела до суда, а когда это не удается, назначает заседание синода вне Константинополя; не случайно, наконец, обвинение поручается самому ученому философу и самому искусному оратору — Михаилу Пселлу. Твердая позиция Кирулария после ареста не только была плодом упрямства или фанатической убежденности, но и основывалась, видимо, на трезвом расчете: патриарх собирался на заседании синода дать императору бой, исход которого еще не был окончательно предрешен. Кируларий мог, видимо, рассчитывать на демарши своих сторонников во время суда; во всяком случае, Пселл, готовя проект речи, учитывал такую возможность. В тексте «Обвинения» содержится несколько обращений к возможным защитникам патриарха (р. 265, 275, 299, 307, 309). Слова Пселла можно было бы принять за простой риторический прием, но в одном месте предполагаемый прокурор прямо говорит о разногласиях в синоде: «К тому же среди части нас существуют противоречия — некоторые с нами, некоторые с противной стороной. Одни из осторожности не голосуют беспристрастно, другие дерзко и неразумно возражают, при этом не выдвигают доводов (а что могли бы они сказать!), а только понапрасну шумят и будоражат собрание. Эти немислимые глупости они выражают в речах сбивчивых и бесформенных, и нечестивцам при этом кажется, будто они поступают благочестиво, бесчеловечным — будто действуют человеколюбиво, а совершающим величайшее бесстыдство — будто соблюдают осторожность» (р. 311).

Чтобы парализовать возможных защитников, Пселл пишет: «Присутствуют здесь и такие, кто собирается встать на его (патриарха.— *Я. Л.*) защиту. Мне стыдно за них. Более того, я боюсь, как бы, рассчитывая безболезненно извлечь копьё из другого, они еще больше не разбередили бы зазубринами его раны и, неумело вытаскивая копьё, не вонзили бы его в самих себя — в этом случае они сами уже не будут иметь защитников: их пример всех облагоразумит. Не воображайте, будто вы жалуете патриарха, а мы — дерзкие и наглые. Мы не менее вас любим этого мужа, а более всех император...» (р. 265).

В приведенном отрывке интересна не столько прямая угроза по адресу противников (у них-то самих уже не найдется защитников, расправа над ними, по мнению автора, дело решенное!), сколько его заключительные фразы: оказывается, по настоящему любит патриарха не тот, кто его обороняет, а тот, кто... на него нападает.

Мысль эта находит дальнейшее развитие: пусть лучше духовный владыка на земле потеряет престол, чем лишится вечного блаженства на небе (р. 327). Кирулария разоблачают и преследуют как бы ради его собственной пользы. Так возникает своеобразная «логика наизнанку», подмена понятий, характерная для всего обвинения. Апогея этот «метод» достигает в конце — в заключительном аккорде речи, цель которого — устрашение инакомыслящих. «Если вы выберете первое (оправдание патриарха.— *Я. Л.*), то выражайте свою волю письменно, чтобы император имел оправдание, когда его подвергнут по этому поводу суду и строгому допросу. Пусть тогда церковь снова распахнет двери для языческих сборищ, прориданий, треножников, дабы восторжествовал дух, противный божественному. Но если вы не допустите этого, то смело все сообща голосуйте за низложение патриарха» (р. 326—327).

Не говорим о том, что несогласным предлагается дать письменное свидетельство своего несогласия: в тех условиях это безусловно опасная акция. Гораздо интересней, как Пселл пытается облегчить внутреннюю борьбу тем, кто еще колеблется и боится. Философ внушает таким членам синода две мысли. Первая: голосуя против Кирулария, они подают свой